

СВОЕОБРАЗНОСТЬ СИСТЕМЫ ПАДЕЖНЫХ ОППОЗИЦИЙ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Габор Л. Балаж

(Balázs L. Gábor, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
gbalazs@lit.u-szeged.hu)

Исследование падежных оппозиций оказалось весьма плодотворным методом в славянской морфологии как в описательном, так и в историческом плане. Из общеизвестных работ, посвященных либо анализу именных парадигм в отдельных языках, либо вскрытию более общих морфологических закономерностей, выделяются основополагающие статьи Р. Якобсона, В. Георгиева, В.К. Журавлева и других языковедов (см. напр. следующие публикации: Jakobson 1971a, 1971b; Žuravlev 1977; Георгиев 1969, 1978; Журавлев 2004). Они послужили надежным исходным пунктом для дальнейших исследований многим специалистам по морфологии славянских языков.

В качестве примера можно привести работу У. Хемилтона (Hamilton 1974), раскрывающую внутреннюю систему падежных синкретизмов (т.е. случаев отсутствия оппозиции) в четырех славянских литературных языках (в современном чешском, польском, сербскохорватском и русском), сопоставляя ее с парадигмами праславянского языка. Американский лингвист разбирает отдельные парадигмы существительных по типам падежной омонимии и выделяет 28 т.н. «синкретических образцов» (*synspats*). Тип 6.1, например, представляет парадигму единственного числа, в которой существует 6 различных друг от друга окончаний, т.е. падежного синкретизма вообще нет. Такой тип выступает лишь в современном сербскохорватском языке. Тип 1.1, как другой крайний случай, характеризуется наличием одного единственного окончания для всех шести падежей в ед. ч., и встречается только в чешском языке. В широко распространенный тип 5.1b входят парадигмы, в которых употребляется 5 разных окончаний для шести падежей ед. ч., так как флексии именительного и винительного падежей совпадают, создавая синкретизм (омонимию) этих же падежей, при отсутствии такого совпадения окончаний в остальных падежах. Для обозначения отдельных типов Хемилтон пользуется графическим изображением, но допускает и более простое и обыкновенное обозначение типа NA (синкретизм номинатива и аккузатива), $N \neq A$ (формальное различие данных падежей) или $N \neq AG$ (совпадение окончаний винительного и родительного падежей при отличающейся от них флексии именительного) и т.д. Что касается конкретных флексий в современных литературных языках, автор сопоставляет их с реконструированными

окончаниями праславянского языка, и где они являются «автоматическим» результатом фонетических процессов, он говорит о **поверхностных** изменениях, а там, где действие «слепых» фонетических закономерностей привело бы к возникновению нежелательных новых суффиксов и поэтому произошли различные процессы аналогии, он говорит о **глубинных** изменениях. После подробной трактовки таких поверхностных и глубинных изменений Хемилтон устанавливает, что современные славянские языки начиная с праславянской эпохи приобретали довольно разнообразные именные парадигмы. Из четырех литературных языков чешский имеет наиболее сложную падежную систему, сербскохорватский является самым простым, а русский и польский – близки к среднему. Все четыре языка прошли через значительные изменения в распределении и формальной реализации своих структурных компонентов, но в значительной мере сохранили типы и количество компонентов, унаследованных от праславянского языка.

На основе интересных наблюдений Хемилтона в одной своей статье я решил сделать анализ системы склонений существительных во всех славянских литературных языках (кроме болгарского и македонского), сосредоточиваясь на типах падежного синкретизма, без поиска происхождения окончаний и без генеративной коннотации (Балаж 1993). Оказалось, что выводы американского слависта в общем действительно для всех славянских языков, не только для избранных им четырех. Благодаря более широкому кругу данных, однако, его наблюдения пришлось несколько уточнить. Число типов падежного синкретизма для всей славянской языковой среды – 33. Это несколько больше, чем у Хемилтона, что объясняется включением нами в анализ и двойственного числа, которое кроме праславянского существует лишь в лужицких языках. Кроме определения синкретических типов в именных парадигмах, я попытался сделать несколько типологических заключений на основе сравнения схем падежных оппозиций в отдельных славянских языках. Повторять таких итогов упомянутой статьи здесь не буду, так как они не касаются темы настоящей работы, а перейду к вопросам украинского именного склонения.

В современном украинском литературном языке существительные склоняются по четырем основным парадигмам. Синкретических типов, однако, больше, так как внутри отдельных классов склонения выделяются по несколько подклассов в силу фонетических, морфологических, семантических, синтаксических или прагматических причин. Таким образом различаются следующие типы падежных оппозиций:

Единственное число

(1)	$N \neq A \neq G \neq L = D \neq I$	LD	(<i>ріка</i>)
(2)	$N \neq A \neq G = L = D \neq I$	GLD	(<i>праця; мати₁</i>)
(3)	$N = A \neq G = D \neq L \neq I$	NA + GD	(<i>стіл₁; край₂</i>)
(4)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(<i>стіл₂; край₃; поле₁</i>)
(5)	$N \neq A = G \neq L = D \neq I$	AG + LD	(<i>батько₁; скрипаль₁</i>)
(6)	$N \neq A = G \neq L \neq D \neq I$	AG	(<i>батько₂; скрипаль₂</i>)
(7)	$N = A \neq G \neq L = D \neq I$	NA + GLD	(<i>край₁; ніч; мати₂ = матір; ім'я₁</i>)
(8)	$N = A \neq G \neq L = D \neq I$	NA + LD	(<i>поле₂; курча</i>)
(9)	$N = A = G \neq L \neq D \neq I$	NAG	(<i>знання</i>)
(10)	$N = A = G \neq L = D \neq I$	NAG + LD	(<i>ім'я₂</i>)

Множественное число

(4)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(<i>ріка; праця; стіл; край; поле; знання; ніч; курча₂; ім'я</i>)
(6)	$N \neq A = G \neq L \neq D \neq I$	AG	(<i>батько; скрипаль; мати; курча₁</i>)

Из таблицы видно, что в современном украинском языке существует всего 10 парадигм существительных по типу синкретизма падежных окончаний. Парадигмы (5) и (6) содержат только одушевленные существительные. Во множественном числе встречается лишь два типа, которые оба выступают и в единственном числе. В скобках даны примеры существительных, склоняющихся по данному типу, т.е. представляющих отдельные (под)классы парадигм. Некоторые слова встречаются в двух или даже трех типах, с разными нижними индексами, например *край₁* относится к типу (7), *край₂* – к типу (3), а *край₃* – к типу (4). Это объясняется тем, что у определенных слов в отдельных падежах могут употребляться альтернативные окончания. Слово *край* например в дательном падеже имеет либо флексию *-еви*, либо флексию *-ю*, а в местном падеже либо *-ю*, либо *-і*. В зависимости от комбинаций двух падежных окончаний получают следующие синкретические типы: **NA + GLD** (род. п., местн. п. и дат. п. ед. ч.: *краю¹*), **NA + GD** (род. п. и дат. п.: *краю*, местн. п.: *краї*), или только **NA** (род. п.: *краю*, дат. п.: *краєви*,

¹ Место ударения в падежных оппозициях имеет лишь вторичное значение, поэтому оно в подобных морфологических анализах, как правило, не учитывается (ср. Hentschel 1991: 39–40).

местн. п.: *краї*), так как окончание именительного падежа всегда совпадает с окончанием винительного: *край*. Все три возможности являются грамматически правильными и допустимыми. Хотя параллельные падежные окончания встречаются и в других славянских языках,² такое богатство конкурирующих флексий можно найти только в украинском, ср.: род. п. ед. ч. *стола/столу*, дат. п. ед. ч. *столові/столу*; дат. п. ед. ч. *батькові/батьку*, местн. п. ед. ч. *(на) батькові/батьку*; дат. п. ед. ч. *скрипалеві/скрипалю*, местн. п. ед. ч. *(на) скрипалю/скрипалеві/скрипалі*; дат. п. ед. ч. *читачеві/читачу*, местн. п. ед. ч. *(на) читачеві/читачу/читачі*; местн. п. ед. ч. *(на) полі/(по) полю*; им. п. ед. ч. *мату/матір*; род. п. ед. ч. *імені/ім'я*, твор. п. ед. ч. *іменем/ім'ям*; вин. п. мн. ч. *курчат/курчата*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что дублетные флексии встречаются во всех грамматических родах, в единственном и множественном числе, с одушевленными и неодушевленными существительными, во всех падежах, причем они чаще всего выступают в дательном и местном падежах единственного числа у одушевленных существительных мужского рода.

Своим набором синкретических типов современный украинский язык значительно отличается от других восточнославянских языков, поскольку в русском и белорусском встречается лишь 7 типов. Кроме украинского именного склонения только чешское имеет 10 различных парадигм, а общими между двумя морфологическими системами являются всего 7 типов. Итак возникает вопрос: как можно интерпретировать сложившееся положение с точки зрения исторической морфологии?

В древнерусском языке выделяются следующие синкретические типы:

Единственное число

(1)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(Дроугъ ₁ , конь ₁ ; лѣто, море)
(2)	$N \neq A \neq G \neq L \neq D \neq I$	AG	(Дроугъ ₂ , конь ₂)
(3)	$N = A \neq G = L \neq D \neq I$	NA + GL	(медъ; сѣмѧ; коло; осьлѧ)
(4)	$N \neq A \neq G \neq L = D \neq I$	LD	(сестра, доуша)
(5)	$N = A \neq G = L = D \neq I$	NA + GLD	(огнь, ночь)
(6)	$N \neq A \neq G = L \neq D \neq I$	GL	(камъ; мати; боукы)
(7)	$N = L = D \neq A \neq G \neq I$	NLD	(поустыни)

² Например в чешском и словацком языках у существительных мужского рода иногда наблюдается колебание в употреблении окончаний род. п. ед. ч. (-a/-u), а у одушевленных существительных – окончаний дат. и местн. п. ед. ч. (-ovi/-u (-i)).

Множественное число

(8)	$N \neq A = I \neq G \neq L \neq D$	AI	(родъ)
(9)	$N = I \neq A \neq G \neq L \neq D$	NI	(конь)
(1)	$N = A \neq G \neq L \neq D \neq I$	NA	(лѣто, море; сестра, душа, ша, пустыни; ночь; сѣмь; коло; осьмь; мати; божьки)
(10)	$N \neq A \neq G \neq L \neq D \neq I$	0	(медъ; огонь; камъ)

Двойственное число

(11)	$N = A \neq G = L \neq D = I$	NA + GL + DI (везде)
------	-------------------------------	----------------------

Сравнивая древнерусское состояние с современным украинским, нетрудно установить следующие значительные расхождения. В древнерусской системе парадигм

- синкретических типов меньше вопреки тому, что классов склонения больше, чем в современных восточнославянских (в том числе и украинском) языках, и что категория двойственного числа со своим уникальным типом оппозиций в данный период еще существовала;
- во множественном числе употребляется 4 типа падежного синкретизма, из которых лишь один встречается и в единственном числе (тип NA), в то время как в современном украинском есть только 2 типа (NA и AG), которые оба употребляются и в единственном числе;
- из 11 парадигм всего 4 типа, сохранившихся до современной поры: NA, AG, LD и NA + GLD, остальные же 7 (!) типов были утрачены;
- отдельные синкретические типы проявляют большое разнообразие относительно количества существительных, склоняющихся по ним; в единственном числе самыми продуктивными являются парадигмы NA (большинство существительных мужского и среднего рода (основы на $-(j)\delta-$), LD (существительные женского и мужского рода с основой на $-(j)\tilde{a}-$), NA + GLD (существительные мужского и женского рода с основой на $-i-$) и AG (одушевленные существительные мужского рода с основой на $-(j)\delta-$),³ остальные типы включают в себя лишь незначительное количество слов; во множественном числе безусловно наиболее продуктивным является опять-таки NA.

³ Сюда относились преимущественно существительные, обозначающие лиц, но омонимия винительного и родительного падежа и для них не было обязательной, т.е. NA и AG могли употребляться как альтернативные варианты.

Не случайно, что в современном украинском литературном языке сохранились именно вышеуказанные продуктивные синкретические типы, но чем объясняется появление новых, в древнерусском не засвидетельствованных парадигм?

Возникновение синкретизма **GLD** у существительных типа *праця* обусловлено фонетическим изменением **к** > [i], вследствие которого окончание родительного падежа совпало с окончанием дательного и местного падежей. Такой синкретизм фигурирует и в продуктивном типе **NA + GLD**, что способствовало его укреплению в системе склонения. Оппозиционный тип **AG + LD** встречается главным образом у одушевленных существительных мужского рода и появился благодаря распространению окончания дат. п. ед. ч. *-ові/-еві*⁴ и в местном падеже (подобно чешскому и словацкому языкам). Второй синкретический элемент данного типа (**LD**) уже существовал в системе (см. выше), и таким образом мог послужить продуктивным образцом. Парадигмы **NAG** и **NAG + LD** являются весьма нестандартными: во-первых потому, что они встречаются лишь у ограниченного круга существительных среднего рода, а во-вторых потому, что **NAG** характерна исключительно для восточнославянской языковой группы⁵ в то время, как **NAG + LD** кроме украинского употребляется только в чешском языке. Далее, следует подчеркнуть, что существительные типа *ім'я* могут склоняться и по типу **NA + GLD**, который является одним из самых распространенных типов. Что же касается синкретических типов **NA + GD** и **NA + LD**, они, за исключением парадигмы существительных типа *курча*, представляют собой необязательные (факультативные) типы. Это значит, что существительные типа *стіл* и *поле* могут склоняться и по продуктивным типам **NA**, а существительные имена типа *край* – и по типу **NA**, и по типу **NA + GLD**. В синкретизмах **GD**, **LD** и **GLD** в трактуемых парадигмах важную роль играет окончание родительного и местного падежей *-у/-ю*, которое, подобно окончанию дательного (и отчасти местного) падежа *-ові/-еві*, происходит от непродуктивных древних основ на *-й-*. В то время, как в распространении последней флексии датива важным мотивирующим фактором была категория одушевленности, в случае *-у/-ю* она действовать вообще не могла. К тому же, в родительном падеже флексия *-у/-ю* становится статистически все более значительным (см. Славянски езици: 503), что противоречит общей тенденции упрощения системы склонения, наблюдаемой например в истории русского языка.

⁴ Флексия *-ов'і*, как известно, происходит от древних именных основ на *-й-*.

⁵ Данный синкретизм окончаний трех падежей вызван фонетическими изменениями.

Согласно теории естественной морфологии (ЕМ) в грамматических системах флективных языков морфологические изменения структурных свойств, определяющих систему (*system-defining structural properties*), вызваны внеморфологическими (фонологическими или семантическими) факторами (Dressler 1987: 68–69). Соответственно, такие структурные свойства неодинаковы в отдельных, нередко даже родственных, языках, а различные этапы развития языков отмежевываются именно своими структурными свойствами. Сама морфологическая система не действует независимо, она только реагирует: качественные изменения (т.е. изменения определяющих систему структурных свойств) мотивированы внеморфологически. Дальнейшее распространение и возможное количественное накопление таких новых свойств, однако, уже морфологически обусловлено. В силу внеморфологических факторов появляются все новые флективные системы, в том числе и новые (под)классы именного склонения, которые редко являются морфологически «идеальными» или «естественными». (С некоторым упрощением можно сказать, что *естественный* в терминологии ЕМ употребляется как антоним слова *маркированный*.) В современном украинском склонении такими подклассами являются новые синкретические типы, которых не было в древнерусской системе имен. Из них **GLD**, **NAG** и **NAG + LD** возникли в результате действия фонологических процессов, в то время как тип **AG + LD** вызван преимущественно семантической причиной, а именно укреплением в системе категории одушевленности. Появление же типов **NA + GD** и **NA + LD** объясняется другим внеморфологическим фактором – влиянием синтаксиса, так как выбор одной из конкурирующих флексий часто определяется, или хотя бы предпочитается, на основе синтаксических критериев.⁶ Такими критериями могут быть, наряду с семантическими и/или деривационными факторами, например употребляемые с данными существительными предлоги или избежание повторения отдельных окончаний внутри одного предложения (ср. Грищенко 1997: 353–359). Перечисленные внеморфологические процессы мешают тенденции, определяющей развитие флективных систем вообще, – стремлению к высокой степени морфологической естественности. В ЕМ различаются две разновидности такой естественности: системозависимая (*system-dependent*) и системнезависимая (*system-independent*) морфологическая естественность. Вторая разновидность одинаково затрагивает морфологические системы языков, независимо от их принадлежности к одному или другому типу, т.е. она является универсальной. Сюда относится, например, принцип т.н. конструкционной иконичности или диаграмматичности (Dressler 1987: 48–50). В данном случае, однако, более важ-

⁶ Наряду с существительными, оба типа употребляются и в системе прилагательных и местоимений, с параллельными окончаниями для местного падежа.

ная роль принадлежит принципам системозависимой морфологической естественности – **системной конгруэнции**, с одной стороны, и **стабильности флективных классов**, с другой. Системная конгруэнция в сущности представляет собой степень согласования между парадигмой (частью парадигмы, флективной формой или морфологическим показателем) и структурными свойствами, определяющими систему данного языка. Она определяется составом и отношением между отдельными структурными свойствами, типологически характеризующими любую флективную систему и одновременно различающими ее от флективных систем других языков. Конкурирующие в системе структурные свойства оцениваются по количеству и относительному размеру флективных классов (т.е. по числу парадигм), в которых они выступают, и далее, по степени, до которой реализуется отдельное структурное свойство (т.е. по количеству конкретных форм). Это значит, что синкретизмы **NA, AG, LD, NA + GLD** в украинском (и в древнерусском!) языке проявляют высокую степень системной конгруэнции, в отличие от типов **NAG, NAG + LD, NA + LD**, которые оказываются отклонениями от «нормы», так как они употребляются лишь со значительно ограниченным кругом существительных.

Другой принцип системозависимой морфологической естественности, стабильность флективных классов, определяется в зависимости от того, какие типы условий структуры парадигм (по-другому: какие имплицативные схемы) действительны для отдельных флективных классов. Эти условия структуры парадигм (*paradigm structure conditions*) содействуют тому, чтобы флективная морфология естественных языков осталась выучаемой, даже если в ней существует немало флективных классов (Dressler 1987: 76–86). Слова, парадигмы которых придерживаются тех же самых условий структуры, образуют единообразные флективные классы или подклассы. **Стабильными** являются такие (под)классы, парадигмы которых соответствуют имплицативной схеме, исключительно или преимущественно охватывающей слова, которые имеют определенные внеморфологические свойства. У таких (под)классов или вообще нет дополнительных (под)классов (напр. тип *pika*), или же они реже употребляются. Парадигмы **нестабильных** флективных (под)классов соответствуют такой имплицативной схеме, которая не согласуется с господствующим условием структуры парадигм слов с определенными внеморфологическими свойствами (напр. тип *im'я₂*). Наконец, **безразличными по стабильности** являются классы слов со внеморфологическими свойствами, которые не имеют господствующего условия структуры парадигм. Значит, их дополнительные классы употребляются с одинаковой частотой (напр. *батько₁* и *батько₂*). В современном украинском литературном языке стабильными являются классы склонения типа *pika*, *праця*, *ніч*, а нестабильными – классы типа *знання*, *курча* и *im'я₂*. Практически все осталь-

ные (под)классы относятся к третьему типу, потому что из-за обилия в них параллельных окончаний получается целый ряд равноправных дополнительных (под)классов, безразличных по стабильности.

В чем же заключается своеобразие склонения существительных в современном украинском языке? Богатство синкретических типов в единственном числе – это только поверхностное явление, которое, между прочим, характерно и для чешского литературного языка. Объяснение лежит глубже, в системе падежных оппозиций, а именно в принципах системозависимой морфологической естественности. Системной конгруэнции способствуют лишь украинские синкретические парадигмы, унаследованные от древнерусского языка. Новые, возникшие благодаря внеморфологическим факторам, синкретические типы (в ед. ч.) являются неконгруэнтными. С другой стороны, параллельные, конкурирующие друг с другом флексии делают систему склонения весьма пестрой, причем стабильные (под)классы существительных составляют менее значительную часть парадигм. Обилие безразличных по стабильности (под)классов указывает на динамику современной украинской системы склонения, которая временно замедляет общую тенденцию к упрощению морфологической структуры, которое наблюдается в остальных восточнославянских (и других) языках.

ЛИТЕРАТУРА

- Балаж, Г. 1993, Падежные синкретизмы в славянских языках. В кн.: *Magyarok és szlávok*. Szeged, 395–403.
- Георгиев, В.И. 1969, *Основни проблеми на славянската диахронна морфология*. София.
- Георгиев, В.И. 1978, Принципи на славянската диахронна морфология. *Славянска филология* XV, 5–16.
- Грищенко, А.П. (ред.) 1997, *Сучасна українська літературна мова*. Киев.
- Журавлев, В.К. 2004, *Диахроническая морфология*. Москва, 2-е изд., стереотипное.
- Славянски езици – *Славянски езици: Граматични очерци*. София, 1994.
- Dressler, W. U. (ed.) 1987, *Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam–Philadelphia.
- Hamilton, W., Jr. 1974, Deep and surface changes in four Slavic noun systems. *Linguistics* 127, 27–73.
- Hentschel, G. 1991, Роль схем формальной дифференциации в историческом развитии флективной системы русского существительного. *Russian Linguistics* 15, 31–51.
- Jakobson, R. 1971a, Zur Struktur des russischen Verbuns. In: Jakobson, R., *Selected Writings II*. The Hague – Paris, 3–15.

- Jakobson, R. 1971b, Морфологические наблюдения над славянским склонением: Состав русских падежных форм. In: Jakobson, R., *Selected Writings II*. The Hague – Paris, 154–183.
- Žuravlev, V. K. 1977, Die Dynamik baltoslavischer morphologischer Oppositionen. Indogermanischen *Forschungen* Bd. 82, 191–225.